

I

«Побоговать бы ещё, порадоваться внучке, - говорил

всем бережновским дед Крещевников, - она в газете будэ писать».

- И зачем он это говорил? - Марина с недоумением смотрела на истончённую луну, светившую в окно автобуса.

- Что ты себя притомляешь?.. Ну, сказал дед и сказал...

- Безруков, ты не знаешь деревенских... Попробуй теперь им втолкуй, что я не в газете работаю, - она встретила с его смеющимися серыми глазами.

- Да, не в газете, а в издательстве... И что?

- Впрочем, ты прав. Скажу, что дед, по обыкновению, всё перепутал...

Истолчённая мгла просыпалась. Ехать оставалось недолго. Безруков стал припоминать всё, что знал об этом районе. «В червлёном поле, - всплывали в памяти слова художника Ковалёва о николаевском гербе, - лазоревый, волнистый, тонко окантованный золотом пояс, поверх всего - два скрещенных золотых пшеничных снопа, перевязанные золотой же лентой и сопровождаемые вверху солонкой с солью, над ней - серебряной раскрытой книгой, выше и по сторонам которой - серебряный с чёрными крестами омофор, внизу - тюльпан с золотым стеблем и листьями с серебряным соцветием...».

Вспомнился и Юрий Малышев. Года два назад Алёша приезжал в Николаевск за материалом для очерка о прославленном космонавте... 3 апреля 1984 года в космос запустили корабль «Союз Т-11». Командиром международного экипажа, в который входили бортинженер Геннадий Стрекалов, индийский космонавт Ракеш Шарма, был Герой Советского Союза Юрий Малышев...

Заснеживало, разгорался белый пожар. Безруков подумал, что тревожный пейзаж за окном автобуса будто бы подсмотрен питерским поэтом, написавшим: «Зелен ветер на снежном плацу – ловит волк роковую овцу».

Тоска взяла Алёшу. Кругом холодеющая степь, которой конца и краю нет. Ей он совсем чужой. Что это за выбитое место? Отчего нет ему конца? Отчего тянет к нему давно?

Бережновские хаты вскоре появились, а ответы нет.

II

- Ну, все гляделки проглядел, вас высматривая! - Лицо деда вылезло из воротника.

Крещевников светился, как лампада. Радость

отражалась в сверкавших его глазах. Он расцеловал внучку и втиснул свою руку в Алёшину. Белая, усыпанная старческой гречкой рука, чрезвычайно крепко, почти до боли сжала широкую открытую ладонь Безрукова. В сереньком картузе сухонький и крепкий старик походил то ли на обходчика железной дороги, то ли на кладбищенского сторожа.

Пока шли домой, Крещевниковы поджигали друг друга вопросами:

- Ты всё такой же, диду?

- Не фарфоровый, не разобьёшь... А чтой-то ты, дивчинка, меня задоришь?

- Мой диду, - обращаясь к Безрукову, продолжала Марина, - был ординарцем у начальника штаба тринадцатой гвардейской дивизии... за Сталинград медаль имеет... И, представь, родился второго февраля...

- Ты гляди, всё отчеканила, - приосанился старик.

- А я люблю о твоих подвигах рассказывать.

- Эх, теперь счастье лучше ратоборства!.. Я не так жил, не так.

- Знаю, диду, знаю... Потому и люблю... тебя.

...Кромешная тьма окружала дом, деревья придвинулись к нему вплотную.

Василий

Степанович поднялся на крыльцо, отворил дверь, включил электричество - темнота зашевелилась. В доме пахло ладаном, хлебом и кожей. Огонь пощипывал поленья в печи. На круглом лоскутном половике лежал большой чёрный кот. Он приветливо мяукнул, вскочил и присоседился к Марине. Пока на плите шваркали котлеты, котище, словно поводырь, ходил с Крещевниковой из гостиной в кухню и обратно. Наконец сели, отужинали. Марина с Алёшей пошли в баню, а кот накрыл собою половик и некоторое время поглядывал на засыпавшего деда. Когда молодёжь вернулась, дом спал, стояла мировая тишина...

- Безруков, давай поженимся!.. - На Алёшу ласково глядели зовущие чёрные глаза.

- Давно пора, - его гривастая голова склонилась к её белой тонкой руке.

...Спустя полчаса или час он бережно укрыл её, ослабшую, одеялом, встал и пошёл в сени. Он не зажёт свет, так и курил в темноте. Потом затушил сигарету и глянул в окно - ночь металась во дворе. Над деревьями, рассыпавшись, мерцали звёзды. Алёшу охватило ощущение полного одиночества - с глазу на глаз с зимой, садом и ночью... Неожиданно под окном мелькнул чёрный силуэт, дверь, скрипнув, распахнулась, и вошёл Крещевников.

- Собирайся! - Василий Степанович сказал так, будто встреча с Безруковым в столь поздний час была заранее условлена.

- Зачем?

- Скоро узнаешь, собирайся! Я пока фонарь найду...

В словах деда Алёша почувствовал нечто загадочное. Какая-то тайна вошла в эту зимнюю ночь в дом вместе с этим человеком. Надо было узнать эту тайну, и поэтому Алёша согласился.

III

Они вышли за околицу. Воздух был зеленоватым и струистым. Задувал свежак, поднимался снежный дым. Темнота пропиталась отсветами снега. Степь была какой-то слюдяной, - должно быть, от белого блеска луны...

- Лунный свет обманчив... Он блестит в звериной шерсти, и зверь кажется больше, чем на самом деле...

- Это вы к чему, Василий Степаныч?

- А вот к чему... Бирюк объявился, коней режет, - старик направил бедный свет фонаря вниз и стал разглядывать огромные волчьи следы.

- Когда же он объявился?

- С месяц, поди.

- Почему облаву не устроите?

- Бережновские боятся зверя... Когда он четвёртого жеребья прикончил, всех страх обуял... Не волк это, Алёша, не волк...

- А кто ж?
- Лютобор - вот кто.
- Что за Лютобор? Что у вас происходит?

- Дух злобы пришёл к нам... Как сказывают, это проклятый или некрещёный человек, возможно, ведьмак принимает разные вещественные виды... Он может и других людей обращать в зверей... Ведь в старину ведьмаки целые свадебные поезда превращали в волков... Такому оборотню легко вернуть человеческий вид, если только надеть на него снятый с себя пояс и сказать: «Господи, прости!..».

- Смотрите, тут что-то есть! – Безрукову стало не по себе, он вздрогнул.

- Да это фермера Пожалостина конь... Кажется, исходит...

Алёша взял у старика фонарь, осветил – белый бок коня был рассечён, на нём запеклась рудая кровь. Несчастное животное ещё дышало. Крещевников опустился на колени, крепко сжал большим и указательным пальцем правой руки рану и, отплевывая в правую же сторону, трижды повторил: «Дерн дерись, земля крепись, а ты, кровь, уймись».

- Кровью не истечёт, но ветеринар нужен, - дед надвинул на глаза серенький картуз и приподнялся.

- Вы знахарь?

- От прабабки передалось... Врачую молитвами, травами да заговорами.

- Марина ничего об этом не рассказывала.

- Да она и сама не знает - не ведает.

Василий Степанович повернулся к степи и, крестясь, зашептал:

- Плакун! Плакун! Плакал ты долго и много, а выплакал мало. Не катись твои слёзы по чистому полю, не разносись твой вой по синему морю, будь ты страшен бесам и полубесам, старым ведьмакам киевским... А не дадут тебе покорища, утопи их в слезах, да убегут от твоего позорища... Замкни в яме преисподней... Будь моё слово при тебе крепко и твёрдо век веком. Аминь.

...Пока старик творил заговор от нечистой силы, Алёша решил осмотреть окрестности. В прозрачном сумраке мигали рассерженные молнии. Воздух перед снежной бурей становился йодистым. По ледяной закраине Безруков спустился в низину и увидел волка. Он показался ему громадным. Зелёно-красным огнём сверкнули волчьи глаза, и зверь исчез... Алёша присмотрелся к следам: обычный волк не мог оставить такие чудовищные отметины. Коня изувечило другое существо.

В Борисовской балке, куда Безруков вскоре забрёл, тоже были эти странные следы. Там, где они кончались, отчётливо проглядывались «уазовские» протекторы. На дороге, ведущей к селу, они терялись... Своим открытием Алёша поделился с дедом.

- В Бережновке только у Пожалостина такая машина.

- Странно, Василий Степаныч. Вот это и странно.

- Знаешь, а он ведь как бирюк! Нелюдимый, очень сторожный с детства.

- Ну, и что?

- Как что? Иван родителя ведь лишился... Однажды тот подстрелил волка, оставил ружьё в розвальнях и пошёл поднимать добычу. Ввалил себе на плечи убитого волка и направился к саням. Конь почуял запах зверя, испугался, рванул и понёс... Старший Пожалостин остался один. С собой у него не было даже ножа, ружьё осталось в розвальнях... По следам бережновские потом прочли, что вся волчья стая сошлась и окружила его... Нашли только кости...

- Отдохните!.. Только перетягиваете себе нервы, - Безруков заметил, что старик сильно устал и разволновался.

- Ладно, Алёша, ладно... Немного передохну, да пойдём домой...

IV

В доме было людно. Кроме Крещевникова, Марины и Алёши, праздновать Меланью собрались дядя Андрей и соседка Маруся. Соседка была совершенно пересохшая, даже будто прозрачная от худобы, старуха. Но у неё был высокий, томительный голос. Маруся пела:

Мэланька ходыла,
Васьлька просыла:
- Васьлько, татку,
Возьмы мэнэ в хатку,
Я жито не жала,
Золоту кадыльныцю держала.
Кадытэся, люды,
Хлив вам будэ.
От стола та до порога
Щоб була дивка черноброва...

- Гарно спивае!.. Диду, а когда мы нашу черноброву замуж отдадим? - Потянулся за графином со сливовой наливкой дядя Андрей.

- Пусть сама дивчинка кажет.

- И скажу, - Марина нахмурилась, но тотчас рассмеялась, - после старого Нового года я Безруковой стану... Такой вот оксюморон.

- Что-что?

- Я говорю, дядя, что вы - званный гость... Милости просим четырнадцатого января.

...К ночи нанесло тумана. Дядя Андрей, румяный и расхристаный, как гоголевский староста, ни с того ни с сего предложил поколядовать. Соседка Маруся своим томительным голосом поддержала его. Взяли богатую кутью со сливками, миндалём, грецкими орехами и пошли по селу.

Собаки брехали, Маруся пела колядки – всем весело было. Остановились возле фундамента старой церкви, повспоминали-повздыхали, потом свернули к дому Пожалостина. Укрытый туманом дом был тёмным и молчаливо-грустным. Никто не отворил им, и старуха Маруся в сердцах кинула: «Нэ чуть и нэ чуть... кошара заходь и выходь».

Постояли, покурили, пошли спать. Серым январским утром Бережновка гудела, как во время метели. В Борисовской балке были найдены зарезанными кобыла и жеребёнок. Народ, предводимый дядей Андреем, направился к дому фермера. С собою бережновские прихватили вилы и топоры, но капитан Сабитов преградил им дорогу. Участковый настороженно держал руку на кобуре. Он поспешно посадил Пожалостина в машину и увез в райцентр.

Больше убийства животных не повторялись.

Всё поутихло. Сельчане зажили спокойно, лишь изредка вспоминая роковые события этой зимы...

Следствие долго выясняло бы мотивы загадочных преступлений, да, благо, помог журналист Безруков. «Во всех случаях увечия коней, - рассказывал он в своём репортаже, - раны носили необычный характер: это были узкие разрезы, рассекавшие кожу и мышцы, но не проникавшие во внутренности. Нож, которым делались разрезы, был особый. Полагаю, что такой нож, похищенный злоумышленником у камышинских рыбаков, - единственный инструмент, с помощью которого можно было совершить все эти преступления. Они не были ритуальными и всё-таки очень сильно подействовали на сельчан.

Можно утверждать, что за этими убийствами стоял московский банкир Вульф. Он рассчитывал скупить земельные паи бережновцев. Роковым образом повлиял банкир и на судьбу Ивана Пожалостина. Это в банке Вульфа Пожалостин взял кредит, который не смог отдать, - волчьих проценты заели. Именно господин Вульф уговорил бережновского фермера совершить эти злодеяния... Истрадавшись, несчастный повесился в камере. Впоследствии открылось, что перед самоубийством Пожалостин не только всё тщательно обдумал (осталась записка), но, видимо, и молился - под одеждой у него нашли иконку».